

Следует обратить внимание, что для лучшего дополнения лексику, в том числе и терминологическую, следует вводить гнездовым способом. Эффективность данного способа можно объяснить специфическими особенностями самого словообразовательного гнезда, которое имеет строго определенную структуру, взаимосвязь между членами которой обуславливает прочность возникающих у студентов-иностранцев ассоциативных связей и осмысленное запоминание материала (например, мутировать – мутация – мутант – мутантный; клонировать – клонирование – клон и т. д.). Подобное введение материала с одной стороны, создает у обучаемых единый, комплексный образ определенного участка лексики, с другой стороны – обогащает их активный словарь словами различных частей речи одновременно.

Подобная система заданий обеспечивает непрерывность формирования навыков и умений в познавательной и коммуникативной деятельности учащихся и позволяет в итоге создать у студентов терминологическую компетенцию в рамках изучаемой специальности.

Одним из результатов целенаправленной работы по изучению и усвоению терминологической лексики по специальности в иностранной аудитории может быть создание терминологического минимума тезаурусного типа или компендиума [5]. Компендиум в традиционном понимании представляет собой краткое изложение основных положений какой-либо сферы знаний. В учебном варианте компендиум может сочетать особенности учебного словаря, специального справочника и практического пособия по языку конкретной специальности, тем самым выступая как одно из перспективных средств обучения научному стилю речи и формирования терминологической компетенции иностранных учащихся.

Источники и литература

1. Винник О. П., Шелешкова І. М. Засоби творення фінансової термінології // Вікладання мов у вузі на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки. – Вип. 5. – Харків: Константа, 2001. – С. 45-49.
2. Гапочка И. К. Пособие по обучению чтению. – М.: Русский язык, 1989. – 288 с.
3. Кириш С. М. Семантизация терминологических единиц // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. – Вип. 3. – Ч. 2. – Харьков: ХИМЭСХ, 1990. – С. 29-30.
4. Павловская О. Е., Пономаренко И. М. Термины-эпонимы при изучении языка специальности // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. – Вип. 3. – Ч. 2. – Харьков: ХИМЭСХ, 1990. – С. 10-13.
5. Тарасова Е. Н. Компендиум как средство обучения языку специальности // Современный учебник русского языка для иностранцев: Теоретические проблемы и прикладные аспекты. Тезисы. – М.: САКС Пресс, 2002. – С. 139-140.
6. Хватов С. А. Терминологическое словообразование в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык для студентов-иностранцев: Сб. метод. ст. – М.: Русский язык, 1983. – С. 89-98.

Тукова Т. В.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Предметом пристального внимания исследователей активных процессов в современном русском языке стали неизменяемые слова [18; 20; 14; 16; 9; 11; 3; 6; 2; 4]. Такой интерес связывают обычно с увеличением их объема в русском языке, а также с проблемами адаптации на всех уровнях языковой системы. Несмотря на длительную историю изучения, среди русистов до сих пор нет единства в трактовке сущности этого понятия, а следовательно, и в установлении границ корпуса неизменяемых слов. Лексикографическая практика свидетельствует о непоследовательной маркировке грамматических сведений о них. Проблема осложняется тем, что граница изменяемости и неизменяемости в русском языке как языке синтетического флективного типа подвижна. Наблюдения за узусом позволяют проследить тенденции употребления грамматических форм, которые с течением времени могут быть приняты или отвергнуты языковой системой, ее морфологическим и синтаксическим строем. Прогнозировать ситуацию, как показывает история, например, несклоняемых заимствованных существительных, очень сложно. Парадоксальность их судьбы отмечает М. Я. Гловинская: сначала они были адаптированы морфологической системой (*какао*, *кофину*, *на бюре* и т. п.), потом постепенно стали неизменяемыми, современная же коммуникативная потребность в их склонении приводит к появлению форм типа *из-под тишины*, *в казино* и проч. [4]. Но во многих современных лингвистических работах по-прежнему говорят о росте группы неизменяемых слов [14; 20; 16; 7 и др.]. В результате анализа слов с пометой «нескл.» одного из толковых словарей рубежа тысячелетий (под ред. Г. Н. Склиаревской) объемом 5,5 тыс. слов [23] нами выявлено лишь 1,7% лексем с пометой «нескл.», зафиксированных в словарях последних десятилетий или впервые [24]. Если учесть, что скорость исторических изменений в базисной лексике в среднем не превышает 2% в столетие [8, с. 7, 23], то можно сделать вывод о явном преувеличении утверждения о буме роста неизменяемых слов в русском языке. Впрочем, корпус слов, которые «не подчинились» правилам русского словоизменения никогда и не был значительным, по подсчетам Н. П. Колесникова он составляет около 2 тыс. единиц [11, с. 9]. Однако количественные показатели производны от теоретического обоснования понятия «неизменяемые слова». Цель предлагаемой статьи: выявить корни проблем лингвистической квалификации неизменяемых слов, показать важность учета парадигматического и синтагматического подходов к их описанию на синхронном срезе языка.

Традиционно неизменяемыми называют слова, не имеющие грамматических форм словоизменения [21, с. 260]. Во введении к разделу «Морфология» последней из академических грамматик В. А. Плотникова говорит лишь о неизменяемых знаменательных частях речи – тех наречиях, которые не образуют форм сравнительной степени, хотя в разделах о служебных словах и междометиях находим указание на их неизменяемость. Не упоминаются во введении и отдельные группы неизменяемых имен существительных и прилагательных, относимых авторами «Русской грамматики» к так называемому нулевому склонению [19, с. 506, 556]. В. В. Лопатин неизменяемые слова делит на две группы: 1) слова, принадлежащие к частям речи, лишенным категориально-морфологических значений, выражаемых разными словоформами одного и того же слова; в эту группу входят все служебные слова, междометия, из знаменательных слов – только наречия (кроме качественных наречий на -О, имеющих форму сравнительной степени: *быстро* – *быстрее*), например: *вдруг*,

туда, по-братски, около, между, без, но, разве, лишь, ура; 2) некоторые слова, принадлежащие к частям речи, нормально склоняемым и выражающим в разных словоформах категориально-морфологические значения рода, числа, падежа. В эту группу входят т.н. несклоняемые существительные, напр.: *пальто, антраша, рагу, Тбилиси, Кармен, МГУ*; т. н. несклоняемые прилагательные – иноязычные слова типа *бордо, хаки, электрик, коми*; притяжательные местоименные прилагательные *его, ее, их*; местоименные числительные *мало и немало*. Среди глаголов неизменяемых слов нет [21, с. 260-261]. Хотя в этом же издании находим утверждение В. Н. Белоусова о том, что деепричастие – неспрягаемая форма глагола [21, с. 107]. Главным достоинством рассмотренной классификации следует, вероятно, признать выделение среди неизменяемых слов частей речи, лишенных грамматических категорий и, следовательно, не могущих в принципе иметь словоформ, а также лексико-грамматических классов слов, нуждающихся в компенсации своей морфологической недостаточности, т.к. основной корпус лексем, принадлежащих к именам существительным, прилагательным и местоимениям имеет грамматические категории, представленные парадигмами словоформ падежа, числа и (если возможно) рода.

Кроме уже названных в качестве неизменяемых слов наречий, неизменяемых прилагательных Л. Е. Лопатина относит к ним и компаратив, инфинитив и деепричастие [12, с. 399], которые, как нам представляется, занимают промежуточное место среди названных двух групп неизменяемых уже в силу спорности их частеречной принадлежности. Затруднительность квалификации морфологической специфики анализируемых слов, думается, обусловлена прежде всего нестандартностью синтаксических функций, повлекших обособленность инфинитива и деепричастия в сфере глаголов, а компаратива в области имен прилагательных. За компаративом в лингвистической традиции закрепилось наименование предикативной формы прилагательного. Считаем логичным отнесение его ко второй группе неизменяемых слов (ср.: *его, ее, их*), т. к. налицо принадлежность к нормально склоняемой части речи.

Лингвистические баталии вокруг статуса деепричастия тоже остры. Его именуют то формой глагола, то вербодидом, то межкатегориальной группой слов, то самостоятельной частью речи. Синкретичная природа деепричастий, вероятно, позволяет говорить о его отпочковании от глагола. Отсутствие же словоизменительных категорий, но не лишенность категориально-морфологических значений вообще (наличие категории вида), вероятно, делает возможным выделение их в особую, переходную группу неизменяемых. Научный подход к любой классификации предполагает полноту охвата материала. И нерешенность на теоретическом уровне вопроса о частеречном статусе большой группы слов не должна становиться причиной их исключения из перечня неизменяемых.

В грамматике традиционно у каждой части речи определяется начальная форма, выражающая номинативное значение в наиболее чистом виде. Представить глагол без инфинитива как исходной, экспозиционной формы – обеднить его парадигму, т.к. начальная форма любой части речи является частью (хотя и специфичной) совокупности всех его форм и представителем слова в словаре [13, с. 9]. Можно согласиться с тем, что «среди глаголов неизменяемых слов нет» [12, с. 261], т. к. при спряжении наблюдаем изменение заявленной в форме инфинитива лексемы. Позицию же Л. Е. Лопатиной в отношении инфинитива как неизменяемого слова поясняет то, что она исходит из его поведения в синтагматическом ряду при примыкании, когда слова размещаются в определенной смежной последовательности, а форма подчиненного компонента не зависит от господствующего и не подвергается каким-либо изменениям. Следовательно, можно сделать вывод, что неизменяемость слов и их форм в данном случае поддерживается конструкцией: *уехать отдохнуть, умудриться упасть, учиться рисовать*. Однако автор не относит к неизменяемым факты падежного примыкания типа *приехать к вечеру, приезд отца, находиться в городе*. При описании особенностей управления, при котором главенствующий компонент словосочетания требует постановки зависимого компонента в определенной грамматической форме, она подчеркивает, что при этом «изменение формы главенствующего слова не вызывает изменения формы управляющего слова» [12, с. 537], но не называет зависимые компоненты неизменяемыми словами. Ср.: *строить дом, стать учителем, зарости травой, движение за мир, подарок бабушке, достойный любви, окно на юг*. Иначе смотрит на предложно-падежные сочетания в определенной синтаксической позиции Н. И. Кручинина. «В позицию определения, – говорит она, – могут вставать неизменяемые признаковые слова и формы слов [выделены нами. – Т. Т.], например, в русском языке компаратив (*девочки лица ярче роз*), инфинитив (*страсть путешествовать*), творительный квалифицирующий (*косички кольцами*), наречия (*чай вприкуску*), предложно-падежные формы существительных (*люди из захолустья*), конструкции с родительным падежом существительных и лично-притяжательных местоимений (*дом отца, ее письма*) [12, с. 349]. Думается, что показательны последние два падежные сочетания. Генитив в сочетании *дом отца* наделяется статусом неизменяемого слова, т. е. не могущего менять свою форму, но только (!) в такой синтаксической позиции. В другом сочетании требуется репрезентация иных форм парадигмы этого конкретного одушевленного имени, например: *Он метался между домом и отцом; Отец и дом – ровесники* и проч. Его неизменяемость обусловлена позиционно – фактом примыкания. Генитив же притяжательного местоимения *ее* (как и *его, их*) – единственный член парадигмы. Неизменяемость в данном случае – явление языковое. В речевом потоке указание на принадлежность 3 лицу ед. ч. ж. р. может передаваться единственной из имеющихся в системе языка форм притяжательных местоимений – *ее*. Падежная парадигма сочетания *ее письма* демонстрирует изменение опорного компонента: *ее писем, ее письмам, ее письма, ее письмами, о ее письмах*.

Позиционно обусловленная неизменяемость все чаще становится объектом изучения лингвистов. Так, акцентируется внимание на традиционности неизменяемой формы топонимов при их употреблении в качестве приложения (*в местечке Еремине, в селе Поветкино*) при вариативности склоняемых и несклоняемых форм без сочетания с родовым наименованием (*в Перове – в Перово*) [5, с. 198-200]. Экспансия независимого краткого именительного в сочетаниях с лексемами типа *партия, дуэт, матч, поединок, проблема* и т. п. также оказались предметом наблюдения русистов [1, с. 33-34]: *встреча «Шахтер»-«Динамо», история Сталин-Гитлер, отношения доктор-пациент* и др. Неизменяемость числительных в определенных синтаксических конструкциях

как тенденция развития русского языка последних десятилетий также обратила на себя внимание исследователей [25; 17, с. 126; 10]: *прибор выпускается по модели пять, рапорт командарму три, Олимпиада две тысячи восемь, космонавт один, дом два* и проч. Проанализированные примеры убеждают в необходимости разграничивать неизменяемость, связанную с отсутствием в языке у данного слова форм словоизменения, т. е. обусловленную спецификой парадигмы этого слова, и неизменяемость, связанную с позицией слова в контексте, т. е. конструктивно обусловленную. Полагаем, уместным в данном случае будет противопоставление по оси языковое – речевое. Конструктивно обусловленная неизменяемость словоформ определенной части речи проявляется только в потоке связной речи и нуждается в описании как факт синтагматики. Это явление не связано с отсутствием иных словоформ в парадигме анализируемого слова в системе языка флективного типа. Зафиксированные же грамматиками факты асистемных явлений неизменяемости в области традиционно изменяемых по свойственным определенным частям речи грамматическим категориям – явление языкового порядка. Неизменяемые слова такого рода в языке синтетического флективного типа не имеют комплекта иных словоформ в парадигме, т. е. у них нет системы оппозиций форм. Отсюда и лингвистические дискуссии относительно их морфемного состава и типа склонения. Некоторые лингвисты видят в таких неизменяемых словах омонимию словоформ, понимая, что они выражают те же грамматические значения, что и остальные слова соответствующих частей речи. При этом наделяют их нулевыми флексиями и относят к так называемому нулевому типу склонения [19, с. 506, 556; 22, с. 285-286]. Думается, однако, что о некоторой целесообразности применения термина «нулевая флексия» можно говорить лишь в случае наличия у слова определенной части речи системы оппозиционных словоформ с материально выраженной флексией типа *книг – книга, книги, книгой* и т. д. Заметим, что речь идет об оппозиции форм, а не значений. Поэтому понятие морфологической парадигмы в языках флективного типа обычно толкуется как «1) система словоформ, образующих одну лексему, 2) образец, схема словоизменения» [21, с. 325]. При отсутствии синтетических средств выражения язык стремится к компенсации грамматически невыраженной информации иными способами.

Обсуждаемая проблема имеет значение для практики составления словарей. Показательна ситуация с так называемыми аналитическими прилагательными [16], которые в отличие от омонимичных существительных, отмеченных как «нескл.», подаются в словарях под рубрикой «неизм.». Например: *травести* 1. *нескл.*, ср. Театральная роль мальчика, исполняемая актрисой., а также амплу актрисы. 2. *нескл.*, ж. Актриса, исполняющая такие роли. 3. *неизм.* Относящийся к такой роли. *Роль травести* [15, с. 806]; *Ретро* 1. *нескл.*, ср. Все старинное, воспроизводящее старину, прошлое. 2. *неизм.* Старинный, воспроизводящий старину [15, с. 677]. Атрибутивная функция может быть единственной у слова, как-то: *маренго* – *неизм.* Черный с серым отливом. *Драп маренго* [15, с. 342]. Показателем ассимилированности языковой системой такого рода слов представляется развитие их полисемичности (в зависимости от лексического значения слова, в сочетании с которым вступает): *апаш*, *неизм.* 1. *воротник апаш* – открытый и широкий; 2. *рубашка апаш* – с открытым широким воротником [15, с. 27]. Лексикографическая квалификация таких прилагательных содержит немало противоречий как в теоретическом, так и в практическом плане. Н. П. Колесников называет их в предисловии к «Словарю несклоняемых слов» несклоняемыми прилагательными, а на следующей странице и в словарных статьях именует *неизмен. прилаг.* С учетом того, что изменение по родам, числам и падежам у прилагательных, как и у существительных по числам и падежам называется склонением, разграничение *нескл.* – *неизмен.* на оси существительное – прилагательное, принятое в большинстве словарей безо всяких теоретических обоснований, строго говоря, нельзя считать убедительным. В ряде случаев возникает алогичность в подаче дефиниции и грамматической пометы, например: *миди*, *неизм. прилаг.* – юбка, платье средней длины [11, с. 123], см. также: *мунда*, *персона грата*, *нкунду* и др.

Анализ показал, что: 1) пополнение русского лексикона неизменяемыми словами на современном этапе находится в русле общих закономерностей развития языка; 2) трудность определения круга неизменяемых слов во многом связана с проблемами частеречной квалификации слов; 3) среди неизменяемых уместно разграничивать слова, обнаруживающие морфологическую недостаточность, и слова, не имеющие ее в силу своей грамматической природы; 4) важно учитывать неизменяемость парадигматического и синтагматического порядка; 5) необходимо быть последовательным в соблюдении грамматических помет в словаре.

Литература

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М., 1990. – 168 с.
2. Астен Т. Б. Аналитизм в морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты: Монография. – Ростов н/Д, 2003. – 264 с.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001. – 304 с.
4. Гловинская М. Я. Язык Интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филол. ф-т, 20-23 марта 2007 г.: Труды и материалы. – М., 2007. – С. 180.
5. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М., 2004. – 555 с.
6. Дубова О. А. Типологічна еволюція морфологічних систем української і російської мов: Монографія. – К., 2002. – 302 с.
7. Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000. – С. 326-344.
8. Караулов Ю. Н. Эволюция, система и общерусский языковой тип // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М., 1988. – С. 6-31.
9. Колесников А. А. Неизменяемые имена существительные русского языка, обозначающие неисчисляемые предметы // Филологические науки. – 1989. – № 5. – С. 45-49.
10. Колесников Н. П. Имена числительные в речевой культуре // Русская речь. – 1997. – № 6. – С. 41-43.
11. Колесников Н. П. Словарь несклоняемых слов // Колесников Н. П. Лексико-грамматический словарь русского языка. – Ростов н/Д, 1996. – С. 7-227.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.
13. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981. – 254 с.
14. Мучник И. П. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 148-180.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – 944 с.

16. Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1981. – С. 240-253.
17. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999. – 275 с.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 511 с.
19. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. – М., 1980. – 783 с.
20. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Ред. М. В. Панов. – М., 1968. – 367 с.
21. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2003. – 704 с.
22. Современный русский язык: Учебник. / Под ред. В. А. Белошапковой. – М., 1981. – 560 с.
23. Толковый словарь русского языка к XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. – СПб., 1998. – 700 с.
24. Тукова Т. В. Растет ли аналитизм в морфологии? // X Междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». Сб. науч. докл. Ялта. 29 сент. – 4 окт. 2003 г. – Симферополь, 2003. – С. 330-331.
25. Янко-Триницкая Н. А. Проблема номер один (Числительное в роли несогласованного определения) // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 303-310.

Туманова А. Б.

О КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1. Как известно, язык отражает объективно существующий мир – картину мира – знаковым образом.

В центре картины мира (КМ) находится индивид/субъект – языковая личность со своими мыслями, характером, уровнем интеллекта, образования, особенностями культуры, воспитания и др. Поэтому при анализе языковой личности становится необходимым обращение к создателю языка, носителю – к конкретной языковой личности, с особенностями ее социального, психологического, этнического и т. п. характера.

Целью данной статьи является определение статуса категории «языковой личности» в лингвистической науке и выделение наиболее важных ее сторон, рассмотрение которых необходимо в ходе анализа языковой картины мира.

Впервые обращение к языковой личности (ЯЛ) обнаруживается в трудах И. Вайсгербера, затем в исследованиях русских ученых: В. В. Виноградова (личность автора и личность персонажа), А. А. Леонтьева (говорящая личность). Разработка понятия 'языковой личности' и создание ее модели принадлежит Г. И. Богину, который рассматривает человека с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Г. И. Богин, 1985]. Однако его модель построена на основе дидактического подхода, учитывающего познавательную деятельность человека обучаемого. Отсюда его модель вся насквозь герменевтична, поскольку углубляется в область познания и понимания производимых языковой личностью текстов. Иной ракурс интерпретации ЯЛ задан в русистике трудами Ю. Н. Караулова, определяющего языковую личность как человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, которые могут отличаться целевой направленностью, уровнем структурно-языковой сложности, глубиной отражения действительности. По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность имеет три структурных уровня: 1) вербально-семантический (отражение степени владения бытовым языком); 2) когнитивный уровень (отражение ее тезауруса, культуры); 3) прагматический уровень (связь с мотивами и целями, движущими развитием ЯЛ) [Ю. Н. Караулов, 1987].

По этому поводу В. А. Маслова совершенно справедливо, на наш взгляд, оценивает многоуровневую модель языковой личности как отражающую обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Исходя из этого, исследователь приводит следующее определение: «языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения» [В. А. Маслова, 2001; 119].

В современной лингвистической науке существуют разные подходы к описанию ЯЛ: русская языковая личность [Караулов Ю. Н., 1987], языковая личность западной и восточной культур [Снитко Т. Н., 1999], словарная языковая личность [Карасик В. И., 2000], этносемантическая языковая личность [Воркачев С. Г., 2001], эпистолярная (конкретная, реальная) языковая личность [Гайнуллина Н. И., 2002] и др.

По мнению Н. И. Гайнуллиной, языковую личность в прошлом «можно восстановить и изучить только через такие семиотические построения, запечатлевшие языковую личность, как письменные тексты, в которых отразилась речевая деятельность человека в прошлом», собранных за длительный промежуток времени. Ею предложено такой набор текстов, принадлежащих конкретной исторической личности, называть дискурсом [Н. И. Гайнуллина, 2002; 12]. В этой связи ученый вполне справедливо предлагает «различать реальную языковую личность и языковую личность художника слова – писателя, поэта, который реализует в своем творчестве художественную языковую личность» [там же].

В науке установлено, что каждая языковая личность начинается с когнитивного (когнитивно-семантического) и прагматического уровней, где проявляется ее индивидуальность, неповторимость. Так, Н. И. Гайнуллина утверждает, что в дискурсе конкретной языковой личности в действие вступают законы построения текста, законы сочетаемости слов и т. п., которые на синтагматическом уровне (тексты) позволяют говорить о семантике того или иного слова и тех представлениях и целях, которые преследовал таким использованием слов создатель текста (уровень знания, лингвокогнитивный уровень). Ассоциации парадигматического характера, которыми обладают потенциально все слова того или иного языка, оказываются нарушенными инициативой самой языковой личности переключаться в область субъективного, асистемного. В таких случаях проявляется уникальность, экспрессивность дискурса, в котором отображается индивидуальная картина мира пишущего/ говорящего, субъективное мировидение [Н. И. Гайнуллина, 2002; 14]. Несомненно, языковая личность оказывает существенное влияние на выбор формы речи, на подбор языковых средств, что, безусловно, мотивировано особенностями культурно-исторической обстановки, в которой ЯЛ создавала свой дискурс, «упакованный» в тексты.